

Н. Ю. Новичкова

Меры борьбы с криминальными пожарами в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Статья посвящена проблеме поджогов в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Отмечается устойчивая тенденция к росту числа криминальных пожаров в городах и сельских поселениях. Приводится оценка статистических данных специалистами пожарного дела, считавшими поджоги серьезной угрозой, масштабы которой в полной мере не отражала пожарная статистика. В статье приводятся причины поджогов, анализируются уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за поджоги. Подробно рассматриваются статьи Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, содержавшие карательные меры по отношению к лицам, обвиняемым в поджоге. Особо подчеркивается, что во многих случаях поджигатели избегали уголовной ответственности с помощью оправдательного приговора. Делается вывод о несовершенстве российского пожарного законодательства, дававшего возможность лицам, виновным в умышленном поджоге, оставаться безнаказанными. Следствием такой государственной политики являлась полная незащищенность населения от подобного рода преступлений. Обращается внимание на отношении населения к поджигателям и дается объяснение случаям самосуда.

Ключевые слова: причины пожаров, умышленный поджог, поджигатель, уголовная ответственность, тяжелые последствия пожаров, самосуд.

N. Ju. Novichkova

About Countermeasures against Criminal Fires in the Russian Empire at the boundary of the XIX–XX centuries

The article is devoted to the problem of arsons in the Russian Empire at the boundary of the XIX–XX centuries. A steady tendency to the growth of a number of criminal fires in cities and rural settlements is noted. The assessment of statistical data is given by experts of the fire business considering arsons as a serious threat which scales weren't reflected fully by fire statistics. The reasons of arsons are given in the article; the criminal rules of law providing responsibility for arsons are analyzed. Articles of the Code about criminal and corrective punishments, containing retaliatory measures towards persons accused of the arson are considered in detail. It is especially emphasized that in many cases instigators avoided criminal liability by means of the verdict of not guilty. The conclusion is made about imperfection of the Russian fire legislation which gave a chance to persons, who were guilty of a deliberate arson, to be unpunished. Full vulnerability of the population from crimes of this sort was a consequence of such a state policy. The attention is given to the relation of the population to instigators and the explanation for lynching cases is presented.

Keywords: reasons of fires, a deliberate arson, an instigator, criminal liability, heavy consequences of fires, lynching.

К концу XIX в. пожары продолжали лидировать в перечне самых тяжелых народных бедствий. По расчету одного из инспекторов земского страхования, в России ежегодно сгорало имущества на 330 миллионов рублей, то есть на сумму, равную 1/5 всех государственных доходов империи.

Отсутствие в городах и сельских поселениях серьезных противопожарных мер и средств к их осуществлению неизбежно оборачивалось для жителей настоящей катастрофой. Как истинную трагедию описывает свои впечатления о пожаре в деревне корреспондент газеты «Владимирец»: «Кто бывал на деревенских пожарах, тот, наверное, испытал весь ужас этого страшного явления. Целые деревни дворов по 30–40 в несколько часов превращаются в груды пепла и развалин. Огонь весело гуляет по деревне, перебегая от одной крыши на другую, не встречая на пути своем

никаких препятствий. Народ, разоренный, обесиленный, исстрадавшийся, ходит по пустым улицам, не зная, что делать, не имея крова и пищи. Хорошо еще, если пожар случится летом, когда на улице тепло и есть еще время построить себе к зиме избенку, хлеб стоит на полях и не подвергся истребительному огню. Но ужас берет при мысли, если в таком безвыходном положении после пожара очутятся люди осенью, когда холодный ветер бушует на улице, целыми днями идет непрерывный дождь. Не только люди остаются без крова, но также пропали даром все летние тяжелые труды – хлеб сгорел в закромах!».

В конце XIX в. выделялось пять основных причин возникновения пожаров: неосторожное обращение с огнем, скученность деревянной застройки, плохое состояние печей и дымоходов, поджог и удар молнии. Именно в таком порядке

эти причины располагались в сводках и отчетах о количествах пожарных случаев. Хотя по анализам причин пожаров поджоги стояли на 4 месте и составляли всего лишь 11 % от общего числа случаев (пожары от неосторожного обращения с огнем втрое превосходили эту цифру), специалисты пожарного дела считали поджоги более серьезной угрозой, масштабы которой были явно занижены. По их прогнозам, 255 всех пожарных случаев происходило по причине поджога. «Если все более и более горит теперь наша бедная Россия, то причиною этого усиления горимости служит не что иное, как умышленное подкладывание огня», – писал в своем труде «Современная пожарная эпидемия в России» А. С. Ермолов [2, с. 12].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных поджог причислялся к особо важным преступлениям, поскольку представлял опасность как для граждан, так и для их имущества. Пожары от умышленных поджогов возникали по целому ряду причин: поджоги своего имущества для получения страховой премии, которая превышала продажную стоимость этого имущества, поджоги имущества богатых односельчан из зависти к размеру их состояния, поджоги из мести [5, с. 628].

По действовавшему в тот период российскому законодательству, карательные меры за поджог были изложены в 10 статьях (с 1606 по 1615) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Согласно статье 1606 Уложения, за умышленный поджог дома или нежилого строения при отсутствии там людей виновные подвергались «лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на время от 8 до 10 лет» [3, с. 209]. Если в доме на момент поджога находились люди, срок каторжных работ увеличивался до 20 лет.

Однако, несмотря на строгость уголовного наказания за поджоги, их количество в России не уменьшалось, а наоборот, возрастало. Об этом красноречиво свидетельствуют статистические данные.

Если в 80-х гг. XIX в. официальная статистика констатировала, что в России поджог являлся причиной пожара в 15 % всех пожарных случаев, то в начале XX в. уже более четверти всех пожаров (а в отдельных губерниях эта цифра доходила до 38 %) возникало в результате злого умысла.

Причина столь значительного роста числа криминальных пожаров, по всей видимости, заключалась в том, что в большинстве случаев ви-

новные оставались безнаказанными. На практике доказать причастность человека к такого рода преступлению было очень сложно. Поджигатели при осуществлении своих планов проявляли большую изобретательность. К примеру, в стог сена или скирду хлеба закладывалась коробка с порохом, к которой прикреплялась длинная пороховая нить. Злоумышленник поджигал ее и за время, пока она горела, спокойно отходил на значительное расстояние. К моменту обнаружения пожара он оказывался вне подозрений. Еще более хитрый способ состоял в том, что в сноп закладывалась пачка серных спичек. При прохождении снопа через молотилку они от трения воспламенялись, но виновника пожара найти было практически невозможно [5, с. 630].

Неудивительно, что, анализируя судебную статистику, известный российский пожарный деятель Д. Н. Бородин отмечал следующее: «На 100 возбужденных дел прекращается до суда 95 и до суда доходит только 5 дел. На 100 привлекаемых по обвинению в поджогах – 40 приговариваются, а 60 возвращаются домой и в отместку своим односельчанам за то, что их притянули к суду и следствию, усиливают еще свою преступную деятельность, и красный петух снова сносит тяжким трудом добытый кусок хлеба» [1, с. 45].

Вполне понятно, что при такой судебной практике граждане, которые могли назвать поджигателей, не хотели обращаться в полицию, хотя статья 924 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных требовала от населения под угрозой лишения имущества и привлечения к исправительным работам сообщать властям о лицах, причастных к поджогам [3, с. 209].

Закон, в частности, обязывал население «...доносить об умысле на зажигательство и о похваляющихся на оное. Кто откроет зажигателя, тот обязан, по возможности задержав его, представить местному полицейскому начальству, а если задержать будет невозможно, то известить о сем полицию для принятия мер к поимке» [4, с. 122]. В действительности, жители, видя, как часто преступники уходят от ответственности, предпочитали молчать.

Подобная безнаказанность иногда заставляла пострадавших, доведенных до отчаяния потерей тяжким трудом нажитого имущества, вершить самосуд. Отношение к умышленным пожарам в народной среде было столь же негативным, как и к конокрадству.

По мнению Д. Н. Бородина, трагизм положения заключался в полном бессилии населения и

судебной власти в борьбе с этим преступлением. «Беззащитное озлобленное население ищет выхода из своего адски тяжелого положения, – писал Бородин, – и, в свою очередь, преступной мерой самосуда стремится избавиться от поджигателей, за что многие примерные хозяева безропотно оканчивают свою печальную и трудовую жизнь в Сибири вдали от родного пепелища, но в осознании, что пострадали за общество» [4, с. 122].

Как ни парадоксально, но возможность уйти от ответственности за поджог или отделаться легким наказанием поджигателю давало законодательство. При внимательном прочтении статей о мерах наказания за поджог можно обнаружить, что закон проводит резкую разницу между поджогом жилого и нежилого строения. В первом случае, как уже ранее упоминалось, по статье 1606 виновному грозило наказание в виде каторжных работ сроком до 10 лет, а во втором, по статье 1609, – ссылка в Сибирь на поселение. Разница в понятиях жилого и нежилого дома может быть весьма условной, поскольку ее можно рассматривать не только с точки зрения предназначения строения, но и относительно времени его эксплуатации. Дачный дом, к примеру, мог считаться жилым помещением только в летнее время года. Следовательно, судья мог вынести разное решение в двух одинаковых случаях.

Не менее противоречивой является и статья 1610, первый пункт которой предполагал смягчение наказания за поджог, если виновный раскаялся уже в ходе совершения преступления и сам принимал участие в тушении: он подвергался тюремному аресту сроком на 8 месяцев. Однако усилия самого поджигателя, пожарных и сбежавших на помощь людей не всегда позволяли спасти имущество и пострадавшие оказывались полностью разоренными, а виновник трагедии мог отделаться только небольшим тюремным сроком.

Во втором пункте вышеупомянутой статьи говорилось: «Когда пожар, учиненный через поджог, потушен в самом начале, однако-же не по известию, данному самим зажигателем и не призванными им на помощь людьми, то он, хотя бы потом и не препятствовал тушению пожара, приговаривается к ссылке в Сибирь». Если же, согласно следующему (третьему) пункту, виновный «ничем не доказал своего раскаяния в преступлении и не остался на месте, то, хотя бы пожар и был потушен в самом начале или даже предупрежден усилиями других или какими-либо дру-

гими случайными обстоятельствами, зажигатель подвергается наказанию как за совершенное зажигательство», то есть к каторге. Следовательно, суровость наказания определялась лишь степенью раскаяния обвиняемого, и умелый адвокат в оправдательной речи мог сместить акценты в сторону смягчения приговора, спасая своего подзащитного от неминуемой каторги. Этим объясняется большое количество оправдательных приговоров, по причине которых пострадавшие, доведенные до отчаяния потерей имущества, начинали вершить самосуд.

Все вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что несовершенство российского пожарного законодательства давало возможность лицам, виновным в умышленном поджоге, уходить от ответственности, то есть практически само государство создавало условия для увеличения пожарных убытков. Следствием такой государственной политики являлась полная незащищенность населения от подобного рода преступлений. Особенно тяжелыми последствиями пожар оборачивался в сельской местности, поскольку с потерей дома и запасов продовольствия крестьянская семья была обречена на нищенство, а в неурожайный год и на голодную смерть. Именно этим объясняются случаи самосуда над поджигателями в поселениях Российской империи.

Библиографический список

1. Бородин, Д. Н. Поджог как одна из причин пожарных бедствий и борьба с этим преступлением [Текст] / Д. Н. Бородин. – СПб., 1912.
2. Ермолов, А. С. Современная пожарная эпидемия в России [Текст] / А. С. Ермолов. – Петроград, 1910.
3. Сборник законов о противопожарных мерах в империи [Текст]. – Петроград, 1914.
4. СЗРИ. – Т. 14. – СПб., 1913 г.
5. Страхование дело. – 1910. – № 20.

Bibliograficheskij spisok

1. Borodin, D. N. Podzhog kak odna iz prichin pozharnykh bedstvij i bor'ba s ehtim prestupleniem [Tekst] / D. N. Borodin. – SPb., 1912.
2. Ermolov, A. S. Sovremennaya pozharnaya ehpidemiya v Rossii [Tekst] / A. S. Ermolov. – Petrograd, 1910.
3. Sbornik zakonov o protivopozharnykh merakh v imperii [Tekst]. – Petrograd, 1914.
4. SZRI. – T. 14. – SPb., 1913 g.
5. Strakhovoe delo. – 1910. – № 20.